УДК 811.511.131
DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-444-452

История изучения грамматической категории залога в удмуртской лингвистике

Н. В. Кондратьева
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация,
nataljakondratjeva@yandex.ru

К. Г. Костина
Научно-исследовательский институт национального образования,
г. Ижевск, Российская Федерация,
kostinaxenja@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению концепций залоговой проблематики в удмуртской лингвистике. Прослеживается история и развитие учения о залоговых формах глаголов.

Цель: систематизация и обобщение исторического процесса формирования и универсализации научных исследований в области изучения категории залога удмуртского языка.

Материалы исследования: эмпирической базой исследования послужило многообразие подходов к изучению категории залога в научных исследованиях лингвистов разных эпох.

Результаты и научная новизна. Опираясь на особенности развития методологических принципов и установок при изучении залоговых форм удмуртского глагола, предлагается выделить три этапа. Первый этап (со второй половины XVIII в. по 1851-й г.) характеризуется определением терминологии для залоговых форм, а также попыткой выявить их грамматическое выражение. Для второго этапа (с 1851 по 1957 г.) характерно более пристальное внимание к семантической стороне языковых явлений, а также к разработке терминологии на удмуртском языке. Однако глубокое научное осмысление залоговых форм удмуртского глагола началось на третьем этапе (с 1957 г. по настоящее время), когда при изучении исследуемой области доминирует структурно-семантический принцип, предусматривающий равное внимание к структуре и семантике вербальной единицы.

Научная новизна работы заключается в первом опыте описания истории и современного состояния изучения вопроса залоговости в удмуртской лингвистике, что открывает новые перспективы для исследования субъектно-объектных отношений в речевой деятельности носителя языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, морфология удмуртского языка, грамматическая категория залога, рефлексивные глаголы, каузативные глаголы.

Для цитирования: Кондратьева Н. В., Костина К. Г. История изучения грамматической категории залога в удмуртской лингвистике // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 444–452.

History of study of the grammatical category of the voice in the Udmurt linguistics

N. V. Kondratyeva
Udmurt State University,
Izhevsk, Russian Federation,
nataljakondratjeva@yandex.ru

K. G. Kostina
Research Institute of National Education,
Izhevsk, Russian Federation,
kostinaxenja@yandex.ru

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the concepts of voice's issues in Udmurt linguistics. The author traces the history and development of the voice forms of verbal units.

Objective: to systematize and summarize the historical process of formation and universalization of scientific research in the field of study of the category of the voice of the Udmurt language.

Research materials: the empirical basis of the study was the variety of approaches to the study of the voice category in the scientific research of linguists of different eras.

Results and novelty of the research: based on the peculiarities of the development of methodological principles and attitudes in the study of the voice forms of the Udmurt verb, it is proposed to distinguish three stages of the study: a) the first stage (from the second half of the XVIII century to 1851) is characterized by the definition of terminology for the voice forms and their grammatical expression. The second stage (from 1851 to 1957) is characterized by a closer attention to the semantic aspect of language phenomena and to the development of terminology in the Udmurt language. A deep scientific understanding of the voice forms of the Udmurt verb began at the third stage (from 1957 to the present). During this period the structural-semantic principle dominates in the study of the considered grammatical category, providing for equal attention to the structure and semantics of a verbal unit.

The scientific novelty of the work lies in the first experience of description of history and current state of the study of the question of voice in Udmurt linguistics, which opens up new prospects for the study of subject-object relations in the speech activity of a native speaker.

***Key words*:** Udmurt language, morphology of the Udmurt language, grammatical category of the voice, reflexive verbs, causative verbs.

For citation: Kondratyeva N. V., Kostina K. G. History of study of the grammatical category of the voice in the Udmurt linguistics // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (3): 444–452.

Введение

Категория залога глагола во все периоды развития языкознания является одним из самых спорных и актуальных для изучения лингвистами объектов, первые упоминания о котором были зафиксированы ещё в трудах древнеиндийских, древнегреческих, римских и латинских языковедов (Панини, Дельбрюк, Хрисипп, Дионисий Фракийский, Домед и др.). Они определили залог как грамматическую категорию, описали вариации его форм, семантический признак и предположили о наличии в языке безличного залога.

В славистике одним из первых грамматическое выражение залога в контексте с его лексико-грамматическим содержанием рассмотрел Мелетий Смотрицкий (1648). Для славянских языков он устанавливает пять залоговых форм: действительный, страдательный, средний, отложительный и общий (см. об этом [19, 284]). В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755), ставшей основой для создания первых грамматик удмуртского языка, описаны уже шесть форм залогов (действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний и общий) [19, 284].

Исследованию залоговых форм глагола посвящены многочисленные труды и других отечественных лингвистов: А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Б. А. Серебренникова, В. В. Виноградова, Д. Кацнельсона, А. Н. Кононова, В. С. Храковского, А. В. Бондарко и др. Каждый исследователь расставляет свои ключевые акценты при определении понятия грамматической категории залога. В последние годы всё больше внимания уделяется семантической природе залоговых отношений [24, 73–76]. Но, несмотря на наличие значительного количества научной литературы по теории залога в общем языкознании, в финно-угорской лингвистике категория залога удмуртского глагола остаётся дискуссионной. Большую помощь в решении данного вопроса может оказать экскурс в историю развития удмуртской морфологии от её становления до современного состояния.

Материалы и методы

Изучению грамматической категории залога удмуртского глагола посвящён целый ряд научных статей, специальных разделов в дескриптивных и исторических грамматиках удмуртского языка, разделы монографий описательного и общетеоретического характера. В связи с этим эмпирической базой исследования послужило многообразие интерпретаций и подходов к изучению категории залога удмуртского глагола, представленных в научных статьях [1; 2; 3; 13], разделах монографий [12; 20; 27], дескриптивных грамматиках [4; 5; 6; 7; 8; 10; 15; 30; 31].

Основными методами исследования стали описательный, сопоставительный, метод контекстного анализа.

Результаты исследования

Изучение залоговых форм глагола в удмуртском языкознании насчитывает более чем двухвековую историю. Ещё в конце XVIII в. в первой грамматике удмуртского языка (1775) для глагольных форм выделяются действительное и страдательное значения. Как отмечает В. Г. Пуцек-Григорович, большинство глаголов имеют

действительное значение, от которого с показателем *кысь* перед ауслаутом возможно образовать страдательное: *вераськысько* ‘разговариваю’. Но, по мнению исследователя, чаще всего вместо маркера страдательного значения используется сочетание глаголов с усилительно-личными местоимениями: *монъ асъмѐ аци́мъ вераськò* ‘я самъ себя сказываю’ [21, 53–59].

Аналогичное суждение о системе залогов удмуртского глагола предложено в грамматике М. Могилина. Согласно его «Опыту краткой удмуртской грамматики» (1786), в исследуемом языке имеется лишь «действительное знаменование», посредством использования которого передаётся также «страдательное»: *соїосъ моне́ ораскизы* ‘я от нихъ обруганъ’ или ‘они меня обругали’ [14, 64]. По мнению автора, некоторые глаголы обладают способностью принимать как действительное (*быттиско́* ‘закончить, убить’), так и страдательное знаменования (*быдмиско́* ‘окончиться, убиться’) [14, 64–65].

В описанных выше грамматиках используются дефиниции «дѣйствителное значение» и «страдателное значение», «дѣйствителное знаменованіе» и «страдателное знаменованіе». Это позволяет утверждать о начале зарождения терминосистемы в удмуртской лингвистике в конце XVIII в. Для обозначения базовых понятий использовались определения, принятые в русской грамматической традиции. Но не только терминологический аппарат первых грамматик удмуртского языка не соответствует современным научным подходам, но и зафиксированные примеры в ряде случаев не имеют отношения к залоговым формам. В частности, представленные в Грамматике 1775 г. примеры вербальных единиц в качестве иллюстрации к выражению страдательного значения на самом деле представляют собой глагольные формы 1, 2, 3 лица единственного числа настоящего времени, а в грамматике М. Могилина – глагол в форме 3 лица единственного числа настоящего времени (*кышкасько* ‘пужаюсь’) [14, 165]. Как отмечает В. И. Алатырев в предисловии к Грамматике 1775 г., страдательными также названы возвратные глаголы: *ушяны* ‘хвалить’ – *ушяськыны* ‘хвалиться’ [1, 19]. Вне внимания авторов первых грамматик остались зафиксированные в тексте единицы понудительного характера: *валектетысько* ‘наставляю’, *курдатысько* ‘страшу’ [21, 103–108], образованные при помощи суффикса с понудительным значением *-ты-*. Данные словоформы на сегодняшний день относятся к глаголам понудительного залога.

Большой вклад в изучение категории залога внесён зарубежными исследователями удмуртского языка. Так, например, в научном труде Ф. Й. Видеманна «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» [30] в числе залоговых форм глагола выделяются актив и медиум. По мнению учёного, медиум образуется при помощи суффикса *-ськ-* и выражает различные значения: рефлексив, пассив и др. Маркер *-t-*, имеющий этимологические соответствия во всех финно-угорских языках: а) выполняет словообразовательную функцию и выражает значение эффективности, б) служит для образования переходных глаголов от непереходных, в) используется для образования глаголов от именных и наречных форм. Кроме того, в грамматике эстонского учёного впервые упомянуты глаголы с каузативным значением, которые образуются при помощи суффикса *-т(ы)-*. Однако проблему дистрибуции этого суффикса исследователь обозначает как нерешённую [30, 115–118, 119–121].

Между тем, вербальные единицы возвратного и понудительного залогов были широко представлены в переводной христианской литературе XIX в. В частности, в «Наставлении христианского святителя Тихона на вотском языке» (1891) для обозначения форм возвратного залога использованы маркеры *-ыçк(ы)-*, *-иçк-, -чк(ы)-* с глаголами I спряжения: *вордыçкем* ‘он родился, оказывается’ [2, 7–8]. Глаголы II спряжения образуются с помощью маркера *-çк(ы)-*: *диçяçкы* ‘одевайся’ [2, 7–8]. Глаголы в форме понудительного залога в рукописи представлены маркерами *-т(ы)-*: *ужатыса* ‘заставляя работать’ [2, 7–8]. Аналогичные примеры можно найти и в других письменных памятниках удмуртского языка [3].

Таким образом, противоречивые суждения исследователей относительно категории залога в первых грамматиках удмуртского языка обусловлены прежде всего категориальной разнородностью тех семантических значений, которые объединены в грамматическую категорию залога. Кроме того, авторы первых грамматик (кроме Ф. Й. Видеманна [30] и Т. Г. Аминоффа [26]) ориентировались на лингвистические традиции славянского языкознания, где объектом исследования являлись флективные языки. Агглютинативный строй удмуртского языка, соответственно, может иметь иные семантические значения залоговости.

Наиболее интенсивное изучение грамматической категории залога в удмуртском языкознании относится к началу XX в. Этот период характеризуется переоценкой имеющихся результатов изучения удмуртской морфологии: происходит переосмысление количественной стороны залога, уточнение его семантического наполнения.

Традиционно в грамматиках удмуртского языка 1920–30-х гг. представляется краткая грамматическая характеристика залога, его функциональная нагрузка и иллюстративный материал. В частности, в научных трудах П. П. Глезденева и Г. Е. Верещагина выделяется пять залогов форм: действительный, средний, страдательный, взаимный и возвратный [6, 34–35; 4, 112–117]. По мнению П. П. Глезденева, глаголы действительного и среднего залогов не имеют специфического грамматического показателя залога и устанавливаются по типу дополнения: действительный залог требует прямого дополнения в виде винительного падежа, средний – косвенного дополнения или совсем не имеет его. Как отмечает исследователь, остальные виды залогов образуются от действительного с особой «частицей-приставкой» *-ське-* у страдательного (*турнаськэ* ‘косится’) и *-ськы-* у взаимного (*кыскыськы* ‘выдвигайся’) и возвратного (*мисьтаськы* ‘умойся’) залогов [6, 34–35].

В «Руководстве по изучению вотского языка» Г. Е. Верещагина указывается, что все глаголы образуются от простых глаголов, но автором не указывается способ их образования. Кроме того, автор все глагольные формы подразделяет на простые и «понудительные», подразумевающие совершение действия при помощи двух лиц, из коих одно является повелителем [4, 112].

Важно отметить, что в грамматиках исследуемого периода начинает складываться терминология на удмуртском языке. В рукописной работе «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» Г. Е. Верещагин предлагает использовать следующие термины для выражения глаголов понудительного значения: *косысез (косытысез) косысь кыл* ‘понудительный глагол’ [4, 242]. Важно заметить, что подобные формы удмуртский исследователь не относит к залоговым единицам. По мнению Г. Е. Верещагина, для удмуртского языка необходимо выделять 5 залогов: действительные, возвратные, взаимные, средние и страдательные, которые могут иметь следующие дефиниции: *лэсьтон сярысь веран*, *аслыз берытскысь, чочен лэсьтон*, *лэчкысь ужкыл*, *ас-бордаз кылјысь* [4, 252]. В качестве термина залог удмуртский исследователь предлагает использовать дефиницию *ужкыл* ‘залог’ [4, 255].

В работе «Удмурт кылрад‘ян. Элементарная грамматика удмуртского языка» (1931) И. В. Яковлева отдельный термин по отношению к грамматической категории залога не приводится, но автор выделяет функциональную нагрузку показателей *-ськ*(*ы*)- и *-т*(*ы*)-. Так, исследователь подчёркивает собственно-возвратное (*веранэд ас вылад луэмзэ возьматэ*), взаимно-возвратное (*веранэд вачe луэмзэ возьматэ*) и дуративное (*кемагем карон*) значения суффикса *-ськ*(*ы*)- (см. об этом подробнее: [25, 44]). В отношении глагольных единиц с показателем *-т(ы)*- И. В. Яковлев актуализирует дву- и полисубъектность действия: а) *куд дыр‘я кароннимен муртэз ужлы кутэмез возьматоно луэ: муртэз ужа(ты)ны* ‘букв. иногда необходимо подчёркивать, что привлекается иное лицо, выполняющее действие: заставить работать человека’; б*) куд дыр‘я кароннимен ужлы муртэз мурт вамен кутэмез возьматоно луэ: Мон эшме ас агайзэ ужа(тыты)ны косй* ‘букв. иногда приходится подчёркивать, что действие выполняется с привлечением другого лица, призвавшего выполнить действие: Я попросил друга, чтобы он заставил своего старшего брата потрудиться’ [25, 44].

Отличающаяся от вышеуказанных трудов залоговая система представлена в «Грамматике вотяцкого языка» А. И. Емельянова (1927), где учёным выделяются действительный и страдательный залоги [10, 64].

А. И. Емельянов рассматривает понудительность и возвратность в разделе, посвящённом видовым формам глагола. Так, суффикс *-iśk-*, рассматриваемый в настоящее время языковедами как показатель возвратного залога, исследователем отнесён к суффиксам многократного вида глаголов: «суффикс *-s’k-* почти уже утратил своё значение многократного и в современном языке употребляется главным образом для образования глаголов рефлексивно-пассивных» [10, 70]. Аналогичный подход характерен и для грамматики А. И. Главатских: «значением многократности обладает суффикс *-ськ-*» [5, 79–84]. Что же касается каузативного *-т*(*ы*)-, А. И. Емельянов рассматривает его как понудительный, однако, в качестве иллюстративного материала приводит примеры образования переходных глаголов от непереходных: *vun-et-* ‘забывать’ [10, 73]. Хотя в следующем разделе подчёркивается: «Понудительный глагол может иметь различные оттенки

в значении, которые зависят от различных способов воздействия или от степеней его активности. Так, воздействие или понуждение иногда бывает настолько пассивно, что его приходится понимать просто как соизволение, попустительство и не имение препятствий к осуществлению действия его деятелем» [10, 77].

Отдельного внимания требуют рассуждения исследователей этого периода о глагольных единицах с суффиксом *-т(ы)-*. Некоторыми из них подобные слова относятся к категории наклонения глагола [6, 36–37; 5, 79–84]. В частности, А. И. Главатских отмечает два вида образования категории наклонения: «Если к глаголу 2 лица повелительного наклонения единственного числа прибавить частичку *-ты*, то получится особая форма, которая показывает оттенок принуждения, например, *вандыты* – застав. резать» [6, 36–37].

Идею выражения понудительных значений аффиксальными средствами развивают в своих трудах Г. Е. Верещагин и С. П. Жуйков [4, 113–117; 11, 47]. А. И. Емельянов подчёркивает, что глаголы с суффиксом *-т(ы)-* но *-кт(ы)-* образуют категорию понудительных глаголов [10, 69–74]. У П. Д. Горохова понятие «понудительные глаголы» обозначается определением «перелагающие глаголы» [7, 126].

Научные достижения грамматик 1920–30-х гг. были использованы в практике создания школьных учебников и грамматик. Ярким примером здесь служат труды А. А. Поздеевой [17; 18], которая рассматривает грамматическое выражение и семантическое наполнение залоговых форм удмуртского глагола. Спектр значений суффиксов возвратных глаголов А. А. Поздеевой дополняется выражением безличности и беспрерывности действия: *сезьы шуг араське* (*араське* ‘жнётся’ – возвратный глагол) – *машинаен капчи араське* (*араське* ‘жнётся’ – безличный глагол) [18, 139].

Таким образом, 1920–40-е гг. в удмуртской лингвистике стали этапом поиска теоретических оснований для определения понятия залог, уточнения его структурного и семантического наполнения.

Началом нового этапа в изучении категории залога глагола в удмуртском языкознании является статья В. И. Лыткина «Понудительный залог в пермских языках» [13], в котором формулируются основные критерии выделения понудительного залога, определяется содержание термина «залог». В качестве исходной терминологии учёный использует дефиницию: «Залог – грамматическая категория, выражающая в форме глагола отношение действия, выраженного соответствующим глаголом, к объекту его, выраженному прямым дополнением, и к производителю этого действия» [13, 93]. Так, В. И. Лыткин впервые выделяет в пермских языках следующие пары залоговых оппозиций: понудительный – непонудительный, возвратный – невозвратный. Глаголы понудительного залога исследователем представлены группами собственно-понудительных и понудительно-транзитивных форм. К особой группе коми исследователем отнесены случаи лексикализации понудительных форм глагола. Учитывая основную цель статьи, В. И. Лыткиным возвратный и невозвратный залоги подробно не освещаются.

Важно подчеркнуть, что предложенная В. И. Лыткиным систематизация глагольной категории залога стала основополагающей на более чем 60 лет развития удмуртской морфологии, хотя в некоторых трудах помимо указанной пары форм выделяются ещё страдательный и действительный залоги ([8; 12] и др.).

Предложенная В. И. Лыткиным классификация залоговых отношений находит продолжение в статье Г. А. Ушакова «К вопросу о залоговых значениях глаголов» (1986). Согласно данной работе основанием для дифференциации возвратного/невозвратного залога глаголов является дискретность/недискретность субъекта и объекта действия, для понудительного/непонудительного залога – степень самостоятельности субъекта действия. По мнению удмуртского учёного, противопоставление глаголов по принципу активности и пассивности субъекта в удмуртском языке допускается, но используется в текстах, составленных по аналогии с русским языком. Страдательные конструкции, относимые языковедами ранее к самостоятельным залоговым единицам, автором работы причисляются к группе семантических вариаций возвратного залога. Смысловыми значениями глаголов с показателями возвратности *-ськ- (-ск-)*, *-иськ- (-їськ-)* обозначены собственно-возвратные, общевозвратные, активно-безобъектные, пассивно-безобъектные, взаимно-возвратные, косвенно-возвратные, возвратно-занятийные, побочно-возвратные виды [22, 112–114].

Важное значение для изучения категории залога в удмуртском языке имеет монография коми исследователя Е. А. Цыпанова «Грамматическая

категория залога в коми глаголе» [23]. Этот труд является теоретической и практической основой для изучения категории залога в удмуртском языке, который не располагает научным исследованием монографического характера по рассматриваемой проблеме.

Согласно современным исследованиям, грамматическая категория залога в системе удмуртского языка представляется следующими формами залоговых отношений: понудительный и непонудительный (или каузативный и некаузативный); возвратный и невозвратный (или рефлексивный и нерефлексивный).

Основным способом образования понудительного залога является суффикс *-т(ы)-* (*кошкы**ты**ны* ‘заставить уйти’). Подобным потенциалом обладает сочетание неопределенной формы глаголы с *косыны* ‘велеть’ (*лыктыны косӥз* ‘велел прийти’).

Формами возвратного залога являются вербальные единицы с маркерами *-ськ(ы)- / -ск(ы)-,* с помощью которых актуализируются значения следующих видов глаголов [15, 197–220]:

а) возвратные (субъект и объект действия совпадают): *мисьта**ськ**ыны* ‘умываться’;

б) взаимно-возвратные (субъекты-участники действия являются одновременно объектами): *пуми**ськ**ыны* ‘встретиться’;

в) средне-возвратные (глаголы, обозначающие изменения признаков субъекта по причине выполнения действия): *мон кухняе интыя**ськ**и* ‘я устроилась на кухне’;

г) пассивные (объектом действия является подлежащее, субъект неизвестен): *мунёос вуза**ськ**о* ‘куклы продаются’;

д) автомативы (см. об этом: [27]), где субъектом действия являются неодушевленный предмет или часть тела человека: *трактор котыръяське* ‘трактор объезжает’ и др.

Важно подчеркнуть, что выражение пассивных значений посредством рефлексивных суффиксов характерно и для других агглютинативных языков (см. об этом: [9]).

Необходимо отметить отличительную особенность удмуртских глаголов, которая выражается в их валентности передавать одновременно два залоговых содержания: например, возвратного и понудительного (*дӥся**ськ**ы**т**ӥсько* ‘заставляю одеваться’), непонудительного и действительного (*утча**ськ**о* ‘ищу’) [12, 170–171].

Несколько иное понимание категории залога удмуртского языка представлено в трудах зарубежных авторов. Так, венгерский учёный Ш. Чуч рассматривает форманты как словообразовательные суффиксы («Igeképzők»), где *-ськ(ы)-* (*-скы-*,*-иськы-*) участвует в выражении рефлексивных значений, а *-т*(*ы*)- реализует значение понудительности [28, 60].

По мнению финского учёного Р. Бартенс, суффиксы *-ськ(ы)-, -т(ы)-* следует относить к словообразовательным суффиксам: *dis’as’kyny* ‘pukeutua’ [27, 284]. Исследователь подчёркивает, что указанный суффикс может также выражать пассивные значения. В этом случае агент предложения либо отсутствует, либо выражается падежом инструктив [27, 284]. Кроме вышеуказанных значений, как подчёркивает Р. Бартенс, суффикс *-ськ(ы)-* может использоваться для выражения автомативных (*voštis’kyny* ‘muuttua, vaihtua’ [27, 284]) и континуативных (*gožjas’kyny* ‘kirjoittaa’ [27, 284]) и хабитуальных (*duris’kyny* ‘toimia seppänä’ [27, 284]) значений.

Немецкий учёный Э. Винклер исследуемые показатели рассматривает в разделе «Valenzändernde Ableitungen» («Показатели, изменяющие валентность [глаголов]») [31, 122]. В качестве основных функций суффикса *-ськ(ы)-* исследователь отмечает а) собственно-возвратное и взаимно-возвратное значения: *dis’as’kyny* ‘sich anziehen’ [31, 122]; б) антиказуативную функцию (antikausativ): *us’tis’kyny* ‘sich öffnen’; в) опущение неопределённого объекта: Tilgung des indefiniten Objekts: z. B. *s’is’kyny* ‘essen’, *zu s’iyny* ‘etwas essen’. Ist das Objekt nicht genannt, aber situativ / kontextuell present, wird das transitive Verb benutzt [31, 122]; г) выражение значений типа «виднеется», «слышится и др.: Ausdruck von ’zu sehen sein’, ’zu hören sein’ usw: *kylis’kyny* ‘zu höre sein’ [31, 122].

Относительно показателя *-т(ы)-* Э. Винклер также выделяет два основных значения: а) собственно-каузативное («echte Kausativierung»): *goztytis’ko* ‘lasse schreiben’; б) образование транзитивных глаголов («bloße Transitivierung»): *tupatyny* ‘reparieren’ [31, 123].

Особенностью современного этапа развития удмуртской морфологии является также интерес к вопросам этимологии [20; 16; 27; 29]; изучению диалектных особенностей залоговых форм глагола. Но это уже предмет специальных исследований.

Обсуждение и заключение

Опираясь на особенности развития методологических принципов и установок при изучении залоговых форм удмуртского глагола, можно выделить три этапа:

а) первый этап (со второй половины XVIII века по 1851-й г.) характеризуется определением терминологии для залоговых форм, а также попыткой выявить их грамматическое выражение;

б) для второго этапа (с 1851 г. по 1957 г.) характерно более пристальное внимание к семантической стороне языковых явлений, а также к разработке терминологии на удмуртском языке;

в) на третьем этапе (с 1957 г. по настоящее время) при изучении грамматической категории доминирует структурно-семантический принцип, предусматривающий равное внимание к структуре и семантике единицы.

Таким образом, несмотря на то, что удмуртская морфология имеет более чем двухвековую историю своего развития, вопросы, касающиеся залоговой проблематики, требуют дальнейшего изучения. Это особенно актуально, т. к. изучение залоговости включает все основные грани изучения языка в их корреляции: морфологию, синтаксис, семантику, словообразование.

Список источников и литературы

1. Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск: Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР, 1976. С. 15–37.

2. Безенова М. П. «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Ӟеч кылъёс. Святой Тихонэн ӟечлы дышетэм кылъёсыз»): глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2018. № 1 (28) 2018. С. 7–23.

3. Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 19–32.

4. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН, 2002. Т. 6. Кн. 1. 290 с.

5. Главатских А. И. Удмурт грамматика: шор ёзо школаын 5 араз дышетскон книга. 1-тӥ люкет: Морфология. Ижкар: Кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. 94 с.

6. Глезденев П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка: Издание Вят. губерн. отд-ния Госиздата, 1921. 55 с.

7. Горохов П. Д. Учебник удмурт языка. Ижевск: Удкнига, 1929. 232 с.

8. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

9. Данилова Н. И. Якутские залоговые конструкции: к проблеме многозначности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 4. С. 48–59.

10. Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Изд-во Ленинградского. Восточного ин-та им. А. С. Енукидзе, 1927. 160 с.

11. Жуйков С. П. Основы грамматики удмуртского языка. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. 47 с.

12. Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 232 с.

13. Лыткин В. И. Понудительный залог в пермских языках // Записки УдНИИ. Ижевск: Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров Удмурт. АССР, 1957. Вып. 18. С. 93–113.

14. Могилинъ М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. 1998. 203 с.

15. Морфология удмуртского языка: научно-учебное издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 408 с.

16. Основы финно-угорского языкознания / редкол.: д-р филол. наук В.И. Лыткин [и др.]. М.: Наука, 1976. 465 с.

17. Поздеева А. А. Удмурт грамматика: неполной средней но средней школалы учебник. 1-тӥ люкетэз: Фонетика но морфология. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 115 с.

18. Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика: неполной средней но средней школалы учебник. 1-тӥ люкетэз: Фонетика но морфология. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. 207 с.

19. Саляхова З. И. Основные концепции изучения залоговой проблематики в лингвистике. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontseptsii-izucheniya-zalogovoy-problematiki-v-lingvistike (дата обращения: 21.03.2021).

20. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 390 с.

21. Сочиненія, принадлежащія къ грамматике вотского языка. СПб.: Императорская Академия наук, 1775. 113 с.

22. Ушаков Г. А. К вопросу о залоговых значениях глаголов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1986. С. 112–115.

23. Цыпанов Е. А. Грамматическая категория залога в коми глаголе. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2002. 114 с.

24. Шабанов О. А., Шарифзода Х. М. Теория ролевой семантики в трактовке категории залога в современном английском языке // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1. С 73–76.

25. Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян. Элементарная грамматика удмуртского языка. Ижевск: Удкнига, 1931. 82 с.
26. Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1896. Vol. 14/2. Pp. 1–48.
27. Bartens R. Permiläisten kielten kehitys ja rakenne. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 372 p.
28. Csúcs S. Chrestomathia Votiacica. Budapest: Tankönyvkiadó. 1990. 224 p.
29. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 409 p.
30. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval: Commission bei Kluge & Ströhm, 1851. 291 p.
31. Winkler E. Udmurtishe Grammatik. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2011. 181 p.

References

1. Alatyrev V. I. *Pervaya nauchnaya grammatika 1775 goda i razvitie udmurtskogo yazykoznaniya* [The first scientific grammar of 1775 and the development of Udmurt linguistics]. *200 let udmurtskoj pis'mennosti* [200 years of Udmurt writing]. Izhevsk: Udm. NII ist., lit. i yazyka pri Sov. Min. Udm. ASSR Publ., 1976. pp. 15–37. (In Russian)
2. Bezenova M. P. «*Nastavlenie hristianskoe svyatitelya Tihona na votskom yazyke» (1891)* (*«Zech kylyos. Svyatoj Tihonlen zechly dyshetem kylyosyz»*): *glagol'naya morfologiya* [«St. Tikhon's Christian admonition in the Votyak language» (1891) («Good words. Good teaching words of Saint Tikhon»): verb morphology]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2018, no. 1 (28), pp. 7–8. (In Russian)
3. Bezenova M. P. *K osobennostyam perevoda «Zakona Bozhiya» (1912) na udmurtskij yazyk: glagol'naya morfologiya* [To the peculiarities of the translation of «God's Law» (1912) into the Udmurt language: verb morphology]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2020, no. 3 (38), pp. 19–32. (In Russian)
4. Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenij: v 6 t*. [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk: IIYAL UrO RAN Publ., 2002. Vol. 6. Book 1. 290 p. (In Russian)
5. Glavatskih A. I. *Udmurt grammatika: shor yozo shkolayn 5 araz dyshetskon kniga. 1-ti lyuket: Morfologiya* [Udmurt grammar: a book for students in the 5th grade of secondary school. First part: Morphology]. Izhkar: Kunlen udmurt kniga pottonez Publ., 1933. 94 p. (In Udmurt)
6. Glezdenev P. P. *Kratkaya grammatika yazyka naroda Udmurt* [Brief grammar of the Udmurt people's language]. Vyatka: Izd-e Vyat. Gub. Otd-z Gosizdata Publ., 1921. 55 p. (In Russian)
7. Gorokhov P. D. *Utsebnik udmurt yazyka* [Udmurt language textbook]. Izhevsk: Udkniga Publ., 1929. 120 p. (In Russian)
8. *Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka: fonetica i morfologiya* [Grammar of the Udmurt grammar: phonetics and morphology]. Ed. by P. N. Perevoshchikov. Izhevsk: Udm. kn. izd. Publ., 1962. 376 p. (In Russian)
9. Danilova N. I. *Yakutskie zalogovye konstruksii: k problem mnogoznatsnosti* [Yakut collateral constructions: to the problem of polysemy]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State University], 2018, no. 16 (4), pp. 48–59. (In Russian)
10. Emelyanov A. I. *Grammatika votyackogo yazyka* [Grammar of the Votyak language]. Leningrad: Izd-vo Len. Vostotsnogo Instituta Publ., 1927. 160 p. (In Russian)
11. Zhuykov S. P. *Osnovy grammatiki udmurtskogo yazyka* [Fundamentals of Udmurt grammar]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1937. 48 p. (In Russian)
12. Karakulova M. K., Karakulov B. I. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i udmurtskogo yazykov* [Comparative grammar of the Russian and Udmurt languages]. Izhevsk: Udmurtskij universitet Publ., 2001. 232 p. (In Russian)
13. Lytkin V. I. *Ponuditel'nyj zalog v permskih jazykah* [The imperative voice in the Permian languages]. *Zapiski UdNII* [Notes of Udmurt Research Institute]. Izhevsk: UdNII Publ., 1957. Iss. 18. pp. 93–113. (In Russian)
14. Mogilin M. *Kratkoj otyackiya Grammatiki opyt = Opyt kratkoj udmurtskoj grammatiki* [Experience of concise Udmurt grammar]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1998. 203 p. (In Russian)
15. *Morfologiya udmurtskogo yazyka = Udmurt kyllen kylkabtodosez (morfologiez)* [Morphology of the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurt universitet Publ., 2011. 408 p. (In Udmurt)
16. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Ed. by V. I. Lytkin. Moscow: Nauka Publ., 1976. 465 p. (In Russian)
17. Pozdeeva A. A. *Udmurt grammatika: nepolnoj srednej no srednej shkolaly uchebnik. 1-tü lyuketez: Fonetika no morfologiya* [Udmurt grammar: a textbook for incomplete secondary and secondary schools. First part: Phonetics and morphology]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1938. 115 p. (In Udmurt)
18. Pozdeeva A. A. *Udmurt kyl grammatika: nepolnoj srednej no srednej shkolaly uchebnik. 1-tü lyuketez: Fonetika no morfologiya* [Udmurt grammar: a textbook for incomplete secondary and secondary schools. First part: Phonetics and morphology.]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1949. 207 p. (In Udmurt)
19. Salyakhova Z. I. *Osnovnye koncepcii izucheniya zalogovoj problematiki v lingvistike* [Basic concepts of the study of voice problems in linguistics]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontseptsii-izucheniya-zalogovoy-problematiki-v-lingvistike (accessed March 21, 2021). (In Russian).
20. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya permskih yazykov* [Historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1963. 390 p. (In Russian)

21. *Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatikѣ votskago yazyka* [Compositions belonging to grammar of the Russian language]. Saint-Petersburg: Imperatorskaya AN Publ., 1775. 113 p. (In Russian)

22. Ushakov G.A. *K voprosu o zalogovyh znacheniyah glagolov* [To the issue about the voice meanings of verbs]. *Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo yazyka* [Issues of phonetics and grammar of the Udmurt language]. Ustinov: NII pri Sov. Min. Udm. ASSR Publ., 1986. pp. 112–115. (In Russian)

23. Tsypanov E. A. *Grammaticheskaya kategoriya zaloga v komi glagole* [The grammatical category of the voice of a Komi verb]. Syktyvkar: Komi nauchnyj centr UrO RAN Publ., 2002. 114 p. (In Russian)

24. Shabanov O. A., Sharifzoda Kh. M. *Teoria rolevoj semantiki v traktovke kategorii zaloga v sovremennom anglijskom yazyke* [Theory of role semantics in the interpretation of the category of voice in the modern English language]. *Vestnik Pyatigirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pyatigorsk State University], 2019, no. 1, pp. 73–76. (In Russian)

25. Yakovlev I. V. *Udmurt kylradyan. Elementarnaya grammatika udmurtskogo yazyka* [Udmurt grammar. Elementary grammar of the Udmurt language]. Izhevsk: Udkniga Publ., 1931. 82 p. (In Udmurt)

26. Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1896, no. 14/2, pp. 1–48. (In Finnish)

27. Bartens R. *Permiläisten kielten kehitys ja rakenne*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 2000. 372 p. (In Finnish)

28. Csúcs S. *Chrestomathia Votiacica*. Budapest: Tankönyvkiadó Publ. 1990. 224 p. (In Hungarian)

29. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó Publ., 2005. 409 p. (In German)

30. Winkler E. *Udmurtishe Grammatik*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag Publ., 2011. 181 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кондратьева Наталья Владимировна, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), доктор филологических наук.

nataljakondratjeva@yandex.ru

ORCID 0000-0002-3632-503X

Костина Ксенья Георгиевна, старший научный сотрудник, КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования» (426051, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. М. Горького, д. 73).

kostinaxenja@yandex.ru

ORCID 0000-0002-9007-1245

ABOUT THE AUTHORS

Kondratyeva Natalya Vladimirovna, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1), Doctor of Philological Sciences.

nataljakondratjeva@yandex.ru

ORCID 0000-0002-3632-503X

Kostina Ksenja Georgievna, Senior Researcher, Research Institute of National Education (426051, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, M. Gorkogo st., 73).

kostinaxenja@yandex.ru

ORCID 0000-0002-9007-1245